

**ОБРАЩЕНИЕ ПО ИМЕНИ,
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Д. М. Колядов

Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Поступила в редакцию 23.02.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-12

Рассмотрено использование личного имени в качестве обращения. Существует представление, в соответствии с которым обращение по имени является предпочтительным средством выражения вежливости в случае, если имя собеседника известно говорящему. Цель статьи состоит в том, чтобы уточнить это представление, показав контекстуальные ограничения на использование личного имени в этом качестве, а также исследовать роль личного имени и, шире, обращений с точки зрения лингвистической вежливости. Материалы составили фрагменты спонтанных речевых взаимодействий из Национального корпуса русского языка, а также метапрагматические комментарии носителей, собранные автором. Теоретико-методологической базой исследования является теория вежливости П. Браун и С. Левинсона. Анализ научной литературы и материалов демонстрирует, что есть типы ситуаций, в которых личное имя не выглядит предпочтительным или не используется, несмотря на его доступность, — коммуникация внутри семьи и в сфере обслуживания. Для части материалов описание в терминах лингвистической вежливости представляется корректным. При этом обращение по имени может не только смягчать угрозу социальному лицу собеседника, но и усиливать ее. Также встречается множество употреблений, в которых трудно увидеть угрозу социальному лицу либо ее смягчение. Для таких случаев более адекватным представляется описание функции обращений как фоновой работы по поддержанию социальных отношений.

Ключевые слова: обращение, личное имя, вежливость, социальное лицо, угроза социальному лицу

1. Введение

Одним из средств обращения в языке являются личные имена в разных формах: личное имя, имя и отчество, имя и фамилия, фамилия + имя + отчество, социальный термин + фамилия, отчество и т. д. При этом использованию личного имени приписывают особую значимость. Т. С. Жукова утверждает, что в русском речевом этикете существует негласное правило: «Если ты знаешь имя собеседника, используй его» (Жукова, 2015, с. 105). Использование личного имени в качестве обращения к собеседнику в различных работах интерпретируется в духе позитивной вежливости (Brown, Levinson, 1987). Так, с точки зрения Г. Джефферсона (Jefferson, 1973), взаимное использование обращений в

завершении разговора является демонстрацией личного отношения (*doing being personal*) собеседников друг к другу. Р. Браун и М. Форд в классической статье, посвященной обращениям в американском английском, писали, что употребление личного имени (в отличие от социального термина) предполагает, что адресат — уникальное существо (Brown, Ford, 1961, p. 379). По словам М. А. Кронгауза, обращаясь к собеседнику по имени, говорящий демонстрирует доброжелательное отношение и включает адресата в свою личную сферу (Кронгауз, 2004, p. 173). Эти трактовки представляются справедливыми. С ними согласуются данные психологии (Горелов, 2003, с. 26; Cherry, 1953; Moray, 1959; Shapiro et al., 1997) и этнографии (Байбурин, 2017, с. 382 и далее; Зеленин, 1929, с. 118 и далее; Лярская, 2002; Успенский, 1995; Vom Bruck, Bodenhorn, 2006), показывающие особую роль личного имени для индивида и общества и свидетельствующие о комплексе связанных с личным именем представлений.

При этом формулировку «Если ты знаешь имя собеседника, используй его» можно прочесть двумя способами, не исключаящими друг друга: а) если данное условие выполняется, имя в качестве обращения — предпочтительный вариант среди прочих возможных; б) если данное условие выполняется, обращение по имени во взаимодействии является желательным, рекомендованным к более частому употреблению. Также эта формулировка предполагает, что знание имени собеседника выступает единственным существенным условием. Однако в этом отношении она представляется слишком сильной и требует уточнения. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать контекстуально обусловленные ограничения, накладываемые на использование личного имени, а также роль обращения по имени в перспективе лингвистической вежливости.

2. Материалы и методы

Статья основывается на анализе русскоязычных устных диалогов, а также представлений носителей, доступных в сети Интернет. Основная часть материалов была получена в ходе работы с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ). В нее вошли тексты телефонных разговоров из устного корпуса. Поиск в подкорпусе телефонных разговоров осуществлялся по запросу: имя и / или фамилия в именительном или звательном падеже; референт одушевленный. Среди всех примеров, которые встретились в 238 текстах по этому запросу, 280 личных имен были идентифицированы как обращения. Выбор телефонных разговоров в качестве материала был обусловлен тем, что в них, как правило, двое участников. В ситуациях с вовлечением большего количества собеседников (пресс-конференция; интервью на радио или телевидении; фокус-группа), обращение, по-видимому, употребляется чаще в связи с необходимостью регулировать очередность. В телефонных же разговорах эта необходимость исключена, что позволяет рассматривать обращения в них с точки зрения вежливости, а не адресации. Нужно подчеркнуть, что такой способ поиска имеет свои ограничения. Так, в про-

цессе поиска обнаружилось, что некоторые вхождения не были распознаны как обращения. Как правило, это были так называемые усеченные вокативы: *Настюш, Насть, Танюш, Дашуль, Люсь, Кать, Наташ* (эти употребления также учитывались при работе с результатами запроса, когда они попадали в поле зрения автора). Одновременно некоторые слова, не являющиеся личными именами, были распознаны как таковые. Поэтому есть основания считать, что какие-то именные обращения остались за рамками поиска.

Теоретической и методологической базой исследования стала теория вежливости П. Браун и С. Левинсона, которая, несмотря на критику, вероятно, остается одной из наиболее влиятельных в этой области науки².

Обобщая, можно сказать, что в основе различных теорий вежливости лежит стремление объяснить использование в речи таких средств, которые не являются необходимыми с точки зрения передачи содержания. Часть таких «избыточных» средств описывается в соответствующих работах в перспективе выражения, поддержания, изменения социальных отношений между участниками взаимодействия. По мысли П. Браун и С. Левинсона, в речевом взаимодействии регулярно возникает угроза социальным лицам участников — их представлениям о себе, самооценке (этот аспект социального лица обозначается как позитивный) и свободе действия (негативное социальное лицо). Так, например, рецензия может угрожать позитивному социальному лицу адресата, поскольку содержит критические замечания и несогласие с точкой зрения рецензируемого, а просьба — негативному социальному лицу, поскольку она принуждает адресата к выполнению какого-либо действия, которое тот в противном случае не стал бы выполнять. В связи с этим участникам взаимодействия приходится делать что-то, чтобы нейтрализовать эти угрозы. «Избыточные» слова и выражения, появляющиеся в речи, выступают такими нейтрализующими средствами — поддерживают социальные лица участников и компенсируют потенциальные угрозы.

3. Контекстуальные ограничения на употребление личного имени

3.1. Семейная коммуникация

Одним из очевидных типов взаимодействия, в которых использование известных говорящему личных имен может быть ограничено, является коммуникация внутри семьи. В частности, речь идет о закономерностях обращения в общении между представителями старших и младших поколений — детей и внуков с одной стороны и родителей и дедушек и бабушек с другой. В таких диалогах при обращении «снизу вверх» (от представителя младшего поколения к представителю старшего) ожидается употребление термина родства (Занадворова, 2003,

² Обзор подходов к лингвистической вежливости на русском языке можно найти в диссертации: (Руднева, 2018, с. 13–42).

с. 303–304). Это представление подтверждается результатами, приведенными в работе (Бурас, Кронгауз, 2013, с. 126–127). Стандартной авторы называют ситуацию, в которой дети обращаются к родителям и их родителям (своим бабушкам и дедушкам), используя термины родства, а обращение к детям и внукам, напротив, осуществляется посредством личных имен, хотя термины родства (*сын*, *дочь* и т. п.) при этом не исключены³.

Исключения из этой практики встречаются (Там же, с. 124, 126, 130), однако характеризуются как отклонения и, по-видимому, оказываются прагматически маркированными⁴. Вместе с тем можно говорить о локальных конвенциях, действующих на уровне отдельных семей. В этих семьях могут использоваться нетипичные с точки зрения описанной модели формы обращения (Там же, с. 130). Исходя из таких внутрисемейных конвенций прагматически маркированным может оказаться уже использование личного имени⁵.

Еще один важный аспект, который остается в тени, — это частота, с которой используются личные имена и обращения в целом во внутрисемейной коммуникации. К сожалению, нет каких-либо надежных данных, чтобы судить об этом, поскольку семья оказывается сравнительно закрытым сообществом (Бурас, Кронгауз, 2013, с. 121). Личный опыт и наблюдения автора говорят о том, что в самом близком кругу общения — с семьей и близкими друзьями — обращения, возможно, не очень характерны. Так, например, письменное взаимодействие с более близкими людьми (сообщение в мессенджере, письмо, отправленное по электронной почте), нередко начинается без обращения и без привет-

³ С этим также согласуются типологические данные, приведенные в работе Л. Флеминга и Дж. Слотты. Они показывают, что данная закономерность в обращениях между поколениями представляет собой статистическую универсалию (Fleming, Slotta, 2018).

⁴ Так, например, исследователи связывают переход с терминов родства на личные имена в обращении детей к родителям в Квебеке и Финляндии в середине XX века с общей тенденцией к меньшей формализованности и равенству в общении (Ibid., p. 386).

⁵ Несомненно важна и форма личного имени. Так, обращением по умолчанию в конкретном сообществе (семье, рабочем или учебном коллективе, кругу друзей) часто оказывается краткая форма (*Петя*). На ее фоне использование полной формы имени (*Петр*), имени и отчества (*Петр Сергеевич*), имени и фамилии (*Петр Парамонов*), фамилии (*Парамонов*), формулы господин + фамилия (*Куда это вы собрались, господин Парамонов?*), социального термина (*директор*) может имплицитно дополнять смысл — например, указывать на недовольство говорящего, дистанцирование, критику, запрет и т. п.; ср. (Занадворова, 2003, с. 308) Отдельные наблюдения позволяют предположить, что нередко в подобных случаях осуществляется переход от менее формального обращения к более формальному. Такое направление согласуется с наблюдениями социолингвистов над прагматикой переключения кодов в ситуациях, где один из двух кодов ассоциируется с большим престижем и формальностью. Р. Фэйзольд пишет о типологической параллели: переключение на более престижный и формальный код в ситуациях, когда взрослый хочет продемонстрировать ребенку серьезность распоряжения (Fasold, 1995, p. 204).

ствия. Появление обращения может указывать на какой-либо дополнительный смысл — подготовку просьбы, возражения и т.п. Напротив, начало общения с коллегами по работе и знакомыми почти всегда сопровождается обращением.

3.2. Взаимодействие в сфере обслуживания

Другой тип контекста, где использование личного имени представляется не вполне конвенционализированным, — взаимодействие клиентов и сотрудников организаций в сфере обслуживания. С одной стороны, появление имен собственных в таких диалогах можно считать одной из тенденций последних десятилетий в русскоязычной коммуникации. Эта тенденция связана с определенной идеологией — представлениями о том, что стандартизированное и обезличенное общение клиентов можно и нужно сделать более личным. Такая модификация отношений с клиентами осуществляется в том числе и с помощью обращения по имени. В качестве примера, иллюстрирующего эту тенденцию, можно привести данные Т.С. Жуковой, собравшей корпус электронных писем, адресованных клиентам. Три четверти этих писем содержат обращения с использованием той или иной формы личного имени (Жукова, 2015, с. 117–118). В устной речи такие обращения также являются стандартными, как и соответствующий вопрос клиенту в начале разговора.

- (1)
 (Александра, жен, студентка) Добрый день. Аа я хотела бы подобрать горнолыжный тур. Вы мне не поможете?
 (Анастасия, жен, оператор) Как мне к вам обращаться?
 (Александра, жен, студентка) Александра.
 (Анастасия, жен, оператор) Александра / из какого города звоните нам?
 (Александра, жен, студентка) Аа что / простите?
 (Телефонный разговор с менеджером турагентства (2015))⁶

С другой стороны, есть свидетельства того, что эта практика приемлема не для всех потенциальных клиентов. В качестве примера можно привести несколько комментариев интернет-пользователей к заметке «Маленькая особенность моей памяти или почему меня безумно раздражает вопрос “Как я могу к вам обращаться?”», опубликованной на платформе Яндекс. Дзен 17 сентября 2022 года⁷.

- (2)
 Тоже терпеть не могу когда меня начинают звать по имени через слово. Очень ругаюсь на звонящих
- (3)
 Отвечаю на автомате — «Мой Господин»... Обыкновенно, на сем диалог и заканчивается....

⁶ Здесь и далее примеры, кроме специально оговариваемых случаев, взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

⁷ Орфография и пунктуация авторов сохранены. URL: <https://dzen.ru/a/YwaRd_F5lCYlylEI>.

(4)

Меня эта фраза всегда настораживала и возникает чувство что «вежливо» и без спроса хотят ко мне влезть, поэтому всегда отвечала — никак. И человеческая природа у всех одна, совершенно согласна

(5)

меня тоже очень раздражает этот вопрос — “Как я могу к вам обращаться?” — и никогда не говорю в таких случаях свое настоящее имя — вроде как и не со мной говорят.

Из этих комментариев видно не только то, что обращение по имени в подобного рода коммуникации видится пользователям неприемлемым, но и то, как эта практика может быть понята: как попытка подойти слишком близко, манипуляции. Показательно также, что в качестве реакции на вопрос «Как я могу к вам обращаться?» приводятся ответы, которые можно описать как невежливые. Эта невежливость оказывается прямой, как во втором комментарии, или косвенной, как в третьем комментарии, где представителю сферы обслуживания предлагается явно неконвенциональное обращение *Мой Господин*, которое ставит его в подчиненное (если не сказать унижительное) положение по отношению к собеседнику⁸.

У клиентов также есть возможность обратиться к сотрудникам сферы обслуживания по имени. Имя сотрудника может быть написано на специальном нагрудном знаке и / или сотрудник сам может представиться в личном или телефонном общении в самом начале (см. пример (7)) или по ходу разговора, как в примере (6).

(6)

(Яна, жен, менеджер) В ближайшее время.

(Игорь, муж, военный) Да / да.

(Яна, жен, менеджер) Ну я поняла. Подскажите / пожалуйста / как к вам обращаться?

(Игорь, муж, военный) Меня звать Игорь.

(Яна, жен, менеджер) Игорь / меня зовут Яна.

(Игорь, муж, военный) Очень приятно / Яна.

(Разговор со специалистом фирмы по установке пластиковых окон (2015))

Вместе с тем нужно сказать, что хотя имя и доступно клиенту, это не ведет с необходимостью к тому, что клиент будет обращаться к сотруднику таким образом. Встречаются случаи, когда дело ограничивается представлением — выяснив имена друг друга, собеседники так ни разу к ним и не прибегают. Еще более показателен следующий пример, где

⁸ Количество примеров легко умножить. Ср. также описание дискуссий клиентов «Старбакс» во Франции и Финляндии по поводу обращений со стороны сотрудников с использованием личного имени, приведенное в работе (Isosävi, Larralainen, 2015). Справедливости ради стоит отметить, что ответы на вопрос «Как к вам обращаться?», подобные приведенным в комментариях, не встречались в материалах НКРЯ и наблюдениях автора.

сотрудница представляется. В этом диалоге клиентка не просто не пользуется знанием имени, но в следующей реплике выбирает в качестве обращения имя нарицательное:

(7)

(Алла, жен, туроператор) Корал. Алла. Здравствуйте.

(Анастасия, жен, студентка) Аа добрый вечер / девушка. Аа можно у вас проконсультироваться по поводу тура в какую-нибудь / не знаю / теплую страну / где не очень дорого / но приятно.

(Алла, жен, туроператор) А не очень дорого / до какой стоимости планируете уложиться?

(Анастасия, жен, студентка) Аа / ну / тысяч сорок-пятьдесят.

(Разговор с менеджером турагентства (2015))

Далее в разговоре клиентка использует обращение *девушка*, а не личное имя оператора и это не вызывает сбоя в коммуникации.

(8)

(Алла, жен, туроператор) Вот. И тут Корал Трэвл.

(Анастасия, жен, студентка) Всё. Спасибо / девушка / мы подумаем.

(Алла, жен, туроператор) Да. Мы каждый день до десяти работаем.

(Анастасия, жен, студентка) Ага / ага.

(Разговор с менеджером турагентства (2015))

Нужно сказать, что обращения по имени в телефонных разговорах (как в сфере обслуживания, так и между знакомыми друг другу людьми — одногруппниками, родственниками), доступных в НКРЯ, используются сравнительно нечасто и не всегда распределяются равномерно. В каких-то диалогах личные имена в качестве обращений не встречаются вовсе, в каких-то они появляются чаще. В большинстве случаев обращение по имени встречается по два-три раза за диалог⁹. Данные наблюдения согласуются с сообщением Р. Ратмайр, исследовавшей русскоязычные собеседования: в ее корпусе диалогов «бросается в глаза низкая частотность обращений вообще», «чаще всего обращение избегается, соискатели практически ни разу не обращаются к интервьюеру напрямую. Но и рекрутеры или менеджеры по персоналу редко употребляют обращение, а если да, то, как правило, только имя» (Ратмайр, 2013, с. 312, 327).

4. Обращение по имени и вежливость

Во многих случаях обращения можно достаточно уверенно описать как средства вежливости. Так, чуть больше трети представленных в материалах телефонных разговоров НКРЯ обращений по имени встречается в контекстах, которые можно назвать этикетными:

⁹ Диалогов с большим количеством обращений встретилось менее десятка. При этом в некоторых случаях обращения использовались в одну сторону — преимущественно от одного участника другому, но не наоборот. Это позволяет предположить, что речь может идти и об индивидуальных предпочтениях и привычках в речевом общении.

- в контексте приветствия (64 употребления):

(9)
(Алексей, муж, студент) Алло.
(Дмитрий, муж, студент) Лёх / привет!
(Алексей, муж, студент) Привет/ Диман!
(Дмитрий, муж, студент) Как дела у тебя?
(Алексей, муж, студент) Так / хорошо.
(Дмитрий, муж, студент) Понятно.
(Разговор с приятелем об учебе (2015))

- при прощаниях или в части, инициирующей завершение диалога (19 употреблений):

(10)
(Юлианна Фёдорова, жен, фотограф) Ну давайте созвонимся на следующей неделке и уже посмотрим там/ когда у вас будет свободное время / у меня / и состыкуемся где-нибудь в Москве.
(Вероника, жен, студентка) Ну да. Хорошо. Спасибо вам большое / Юлиана. Буду ждать встречи.
(Юлианна Фёдорова, жен, фотограф) И вам спасибо за звоночек. Всего доброго.
(Заказ фотосессии в фотосалоне (2015))

- непосредственно после того, как собеседник представляется (23 употребления):

(11)
(Олег, муж, директор магазина) Давайте тада знакомиться. Меня зовут Олег. Как к вам обращаться?
(Илья, муж, студент) Аа меня зовут Илья.
(Олег, муж, директор магазина) Илья / очень приятно. Илья / аа с нашей компанией вообще как-то знакомы или нет?
(Илья, муж, студент) Аа мне по рекомендации / посоветовали просто.
(Заказ пластиковых окон (2015))

В последнюю категорию не входят такие примеры как (12), когда обращение по имени происходило сразу после приветствия и представления:

(12)
(Татьяна, жен, менеджер) Корал Трэвл. Железнодорожный. Татьяна. Здравствуйте.
(Елена, жен) Аа здравствуйте/ Татьяна. Я бы могла бы с вами проконсультроваться/ аа вот мы бы хотели отдохнуть в мае.

Также можно отметить еще один относительно распространенный контекст, не связанный с вежливостью, — употребление обращений для уточнения идентичности собеседника (25 употреблений), как в следующем примере (13):

(13)

(Александра, жен, студентка) Да.

(Наталья, жен, оператор) Добрый день. Александра?

(Александра, жен, студентка) Да. Добрый день.

(Наталья, жен, оператор) Это вас беспокоит санаторий имени Горького.

(Бронирование по телефону путевки в санаторий (2015)).

Вместе с тем описание оставшихся обращений (их 161) в терминах вежливости вызывает затруднения. С одной стороны, как уже говорилось, употребление такого обращения (противопоставленное неупотреблению) понимается как выражение личного отношение. Это предствление встречается и в научной литературе (см. Введение), и в практических руководствах и справочниках по этикету и деловому общению (Бороздина, 2000, с. 69–70; Лавриненко, 2005, с. 335; Стернин, 1996, с. 63). Однако, если еще раз обратиться к приведенным комментариям пользователей в разделе 3.2, становится очевидно, что включение адресата в личную сферу говорящего может оказаться неприемлемым, нарушающим дистанцию и угрожающим лицу, о чем свидетельствуют данные комментарии. Таким образом, есть риск, что обращение по имени окажется невежливым в перспективе адресата¹⁰.

Можно вспомнить об указаниях на связь обращений и аффекта (Пешковский, 2001, с. 407; Храковский, Володин, 2001, с. 251; Шахматов, 2001, с. 262; Leech, 1999, р. 109). В НКРЯ в самом деле встречаются такие примеры, в которых обращения возникают в контексте респик, демонстрирующих эмоциональный подъем.

(14)

(№1, жен, 19, 1986, студент) Ладно. Ну так слушай / про Мишу рассказать тебе?

(№2, жен, 19, 1986, студент) Ну давай.

(№1, жен, 19, 1986, студент) Таня / такой красавец стал! Я прям влюбилась!

(№2, жен, 19, 1986, студент) Маша / да ты что!

(№1, жен, 19, 1986, студент) Тань / ты не представляешь.

(Телефонный разговор с подругой (2005))

Однако аффект не всегда оказывается положительным. Также в литературе отмечается, что вполне обычной практикой является использование обращений как действий, угрожающих лицу (замечаний, предупреждений, запретов, явного несогласия с адресатом), или в контексте таких действий (Гольдин, 1987, с. 57; Кодзасов, 2009, с. 163, 165–168). Прагматическая самостоятельность обращений в этих контекстах ставилась под вопрос. Так, Т.Е. Янко обращает внимание, что просодия обращения совпадает в подобных случаях с просодией иллюкутивного акта, следующего за ним (Янко, 2010). Дж. Лич также утверждал, что обращения в контексте директивных речевых актов не имеют собственной иллюкутивной силы. При этом, с его точки зрения, они играют от-

¹⁰ Ср. в связи с этим пример межкультурной коммуникации на русском языке, который приводит М.А. Кронгауз, — обращение посетительницы в посольстве к охраннику (Кронгауз, 2004, с. 167).

дельную роль — роль модификаторов иллокутивной силы директивов. Однако эта модификация может быть двоякой: обращения могут делать директивы как более вежливыми, так и более настойчивыми (Leech, 2014, p. 171 — 174). В связи с этим можно вспомнить, что одной из стратегий вежливости является имперсонализация: говорящий стремится не выразить свое участие в угрожающем речевом действии и направленность такого действия на адресата (Brown, Levinson, 1987, p. 190). С этой точки зрения обращение может быть понято как усиливающее угрозу. Это можно проиллюстрировать следующим фрагментом, взятым из диалога на рабочем собрании петербургской некоммерческой организации¹¹. Между двумя сотрудниками возникает спор по поводу планирования новогоднего праздника. Один (Ваня) предлагает, чтобы клиенты организации приехали утром, за несколько часов до начала праздника. Это предложение вызывает возражение у его коллеги (Кати):

(15)

Катя: Не, ну тогда получается, мы должны их кормить.

То есть это все равно будет завтрак.

Ваня: Ну... ну Кать, четыре че... четыре человека...

Инна: Маленький завтрак.

Катя: Но это все равно суета.

Ваня: Ну... какая суета?!

Катя: Вань, да это всегда суета!

В этом эпизоде собеседники прямо и эмоционально возражают друг другу. Эти обращения не сопровождаются какими-либо конвенциональными смягчающими средствами (**Мне кажется, это все-таки будет не очень удобно; * Это может создать дополнительные сложности...* и т.п.), а роль обращений в этом эпизоде, как представляется, скорее состоит в эмфатическом выделении высказывания¹².

Наконец, в материалах НКРЯ есть немало примеров, в которых с позиции внешнего наблюдателя, незнакомого с контекстом взаимоотношений собеседников, трудно увидеть какую-либо угрозу социальным лицам или повышение эмоциональности. Ср. следующий фрагмент:

(16)

(Илья, муж, студент) Ну...

(Олег, муж, директор магазина) То есть нужно будет целиком стеклянную дверь делать.

(Илья, муж, студент) Ну всё / я понял. Олег / а давайте тада так и посчитаем. Вот эти вот окна "Деко".

(Олег, муж, директор магазина) Давайте. Цвет будет белый окон?

(Заказ пластиковых окон (2015))

¹¹ Пример взят из полевых материалов автора — аудиозаписи собрания, сделанной в 2015 году.

¹² В событии, из которого взят этот фрагмент, участвовало 8 человек. Однако в данном случае может быть исключена функция адресации, поскольку реплики участников следуют одна за другой. Такое примыкание реплик друг к другу делает обращение избыточным.

Два последних примера указывают на еще одну возможность трактовки обращений, которая не касается вежливости. В литературе рассматривалась связь обращений с управлением дискурсивным процессом — подчеркиванием сегментов внутри отдельного высказывания и разделением дискурса на тематически различающиеся сегменты (Даниэль, 2008, с. 458—460; Колядов, 2020; Butler, Danby, Emmison, 2011, р. 344—347, 353; Kleinknecht, 2013; Rendle-Short, 2007, р. 1509—1511; 2010, р. 1211—1214). Так, в примере (17) обращение появляется после реплики, завершающей одну тему (стеклянные двери), в начале реплики, иницирующей начало новой темы (подсчет стоимости окон).

5. Заключение

Если принять точку зрения С. Левинсона, в соответствии с которой одна речевая единица (высказывание или его часть) выполняет одновременно несколько действий (Levinson, 2012, р. 104), можно сказать, что в подобных случаях употребление личных имен в качестве обращений может быть мотивировано не соображениями вежливости, а какими-то другими обстоятельствами, связанными с управлением дискурсивным процессом (сюда относится и смена очередности во взаимодействиях с участием трех и более человек). Вместе с тем такой подход не исключает трактовку в терминах вежливости. При этом нужно подчеркнуть, что вежливость понимается не как «принесение жертвы» в пользу адресата со стороны говорящего в духе Дж. Лича (Leech, 2014), а как совместная работа по поддержанию отношений между участниками (социальных лиц) в духе П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson, 1987). Часто эта работа оказывается фоновой, рутинной, осуществляется с помощью конвенциональных средств и в рамках конвенциональных речевых практик. Одной из таких практик является употребление обращений. Использование конвенциональных обращений может быть понято как воспроизводство действующего по умолчанию социального порядка с присущими ему отношениями между участниками сообщества. Отклонение же от конвенциональной практики может побуждать к поискам дополнительного, имплицитного смысла (и при этом необязательно подразумевает подрыв, изменение данного порядка). Так, Р. Ратмайр пишет: «Само по себе ни выражение дистанции, ни выражение близости не являются вежливыми или невежливыми, однако их сигнализация в ситуации уместности противоположного воспринимается как невежливость, ср. например, обращение *Саша* в ситуации, где уместно сказать *Александр Михайлович*, и наоборот» (Ратмайр, 2013, с. 148—149). При этом конвенции могут быть локальными, часто ограниченными очень небольшим сообществом, например семьей. Как было показано в первой части статьи, употребление личных имен может быть ограничено в ситуациях семейного общения и коммуникации в сфере обслуживания. Такие ограничения более или менее устойчивы и

распространены, но само их наличие показывает, что знание личного имени не является достаточным условием для его употребления. Более точной представляется формулировка этикетного правила следующим образом: если в данной ситуации существует конвенционально принятое обращение и оно тебе известно — используй его.

Список литературы

- Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб., 2017.
- Бороздина Г. В. Психология делового общения. М., 2000.
- Бурас М. М., Кронгауз М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121 – 131.
- Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избр. труды по психолингвистике. М., 2003. С. 15 – 104.
- Даниэль М. А. Звательность как дискурсивная категория // Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. Т. 4. С. 439 – 466.
- Жукова Т. С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка. М., 2003. С. 277 – 340.
- Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1929.
- Кодзасов С. В. Просодия обращений // Исследования в области русской просодии. М., 2009. С. 161 – 174.
- Колядов Д. М. Обращение как дискурсивный маркер // Вопросы языкознания. 2020. № 6. С. 7 – 30. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.6.7-30>.
- Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28, № 2. P. 163 – 187.
- Лавриненко В. Н. Психология и этика делового общения. М., 2005.
- Лярякая Е. В. Современное состояние системы личных имен у ямальских ненцев // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. СПб., 2002. Т. 2. С. 9 – 130.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М., 2013.
- Руднева Е. А. Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.
- Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996.
- Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избр. труды. М., 1995. Т. 2 : Язык и культура. С. 151 – 163.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2001.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
- Янко Т. Е. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М., 2010, С. 456 – 468.
- Brown R., Ford M. Address in American English // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 62, № 2. P. 375 – 385.

Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Butler C.W., Danby S., Emmison M. Address terms in turn beginnings: managing disalignment and disaffiliation in telephone counseling // *Research on Language and Social Interaction*. 2011. №44. P. 338–358. <https://doi.org/10.1080/08351813.2011.619311>.

Cherry C. The cocktail party effect // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1953. Vol. 25, №5. P. 975–979.

Fasold R. *The Sociolinguistics of Society*. Oxford, 1991.

Fleming L., Slotta J. The pragmatics of kin address: A sociolinguistic universal and its semantic affordances // *Journal of Sociolinguistics*. 2018. Vol. 22, №4. P. 375–405. <https://doi.org/10.1111/josl.12304>.

Isosävi J., Lappalainen H. First names in Starbucks: A clash of cultures? // *Address Practice as Social Action: European Perspectives*. Basingstoke; N. Y., 2015. P. 97–118. https://doi.org/10.1057/9781137529923_6.

Jefferson G. A case of precision timing in ordinary conversation: Overlapped tag-positioned address terms in closing sequences // *Semiotica*. 1973. Vol. 9, №1. P. 47–96.

Kleinknecht F. Mexican güey – from vocative to discourse marker: a case of grammaticalization? // *Vocative! Addressing between System and Performance*. Berlin, 2013. P. 235–268. <https://doi.org/10.1515/9783110304176.235>.

Leech G. The distribution and function of vocatives in British English conversation // *Out of corpora*. Amsterdam, 1999. P. 107–118.

Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford ; N. Y., 2014.

Levinson S.C. Action ascription and formation // *The Handbook of Conversation Analysis*. Oxford, 2012. P. 103–130. <https://doi.org/10.1002/9781118325001.ch6>.

Moray N. Attention in dichotic listening: Affective cues and the influence of instruction // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1959. №11. P. 56–60.

Rendle-Short J. ‘Catherine, you’re wasting your time’: Address terms within the Australian political interview // *Journal of Pragmatics*. 2007. №39. P. 1503–1525. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2007.02.006>.

Rendle-Short J. ‘Mate’ as a term of address in ordinary interaction // *Journal of Pragmatics*. 2010. №42. P. 1201–1218. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.09.013>.

Shapiro K.L., Caldwell J., Sorensen R.E. Personal names and the attentional blink: a visual “cocktail party” effect // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1997. Vol. 23, №2. P. 504–514.

Vom Bruck G., Bodenhorn B. *The Anthropology of Names and Naming*. Cambridge, 2006.

Об авторе

Дмитрий Михайлович Колядов, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории антропологической лингвистики, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2860-5517

E-mail: dkoliadov@gmail.com

Для цитирования:

Колядов Д.М. Обращение по имени, межличностное взаимодействие и социальное лицо (на материале русского языка) // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 15, №3. С. 203–218. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-12.

FIRST-NAME ADDRESS, INTERPERSONAL INTERACTION
AND THE PUBLIC FACE: THE CASE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

D. M. Kolyadov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Ln., St Petersburg, 199053, Russia
Submitted on 23.02.2024
Accepted on 15.04.2024
doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-12

This article describes the vocative use of first names. The literature cites addressing a person by a given name as the preferential mode of politeness when the addressee's name is known to the speaker. The study aims to clarify this idea, demonstrating limitations on using first names imposed by the interactional context. It also seeks to examine the role of given names and terms of address in general from the perspective of linguistic politeness. The data used in the study consists of fragments of spontaneous interactions from the Russian National Corpus and native speakers' metapragmatic commentaries collected by the author. The methodology draws on Penelope Brown and Stephen Levinson's theory of linguistic politeness. The literature review and data analysis revealed two interactional contexts where addressing by a given name is foregone or does not seem to be preferential despite the speaker's acquaintance with the corresponding term of identification: communication between family members and service encounters. For some pieces of data, a description framed in terms of linguistic politeness appears to be suitable. Yet, a first-name address can function as not only a mitigating device but also a potential face-threatening act. Finally, there are many instances where politeness issues do not seem relevant. In these cases, it seems appropriate to describe the vocative function as a background operation to maintain social relations.

Keywords: terms of address, given name, service encounters, politeness, public face, face-threatening act

References

- Baiburin, A.K., 2017. *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet passport: history – structure – practices]. St. Petersburg (in Russ.).
- Borozdina, G.V., 2000. *Psikhologiya delovogo obshcheniya* [Psychology of business communication]. Moscow (in Russ.).
- Brown, P. and Levinson, S., 1987. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge.
- Brown, R., and Ford, M., 1961. Address in American English. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 62 (2), pp. 375 – 385.
- Buras, M.M. and Krongauz, M.A., 2013. Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 121 – 131 (in Russ.).
- Butler, C.W., Danby, S. and Emmison, M., 2011. Address terms in turn beginnings: managing disalignment and disaffiliation in telephone counseling. *Research on Language and Social Interaction*, 44, pp. 338 – 358, <https://doi.org/10.1080/08351813.2011.619311>.
- Cherry, C., 1953. The cocktail party effect. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 25 (5), pp. 975 – 979.
- Daniel', M.A., 2008. Apellativeness as discursive category. In: *Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammatical categories in discourse]. Vol. 4. Moscow, pp. 439 – 466 (in Russ.).

Fasold, R., 1991. *The Sociolinguistics of Society*. Oxford.

Fleming, L., and Slotta, J., 2018. The pragmatics of kin address: A sociolinguistic universal and its semantic affordances. *Journal of Sociolinguistics*, 22(4), pp. 375–405, <https://doi.org/10.1111/josl.12304>.

Gol'din, V.E., 1987. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Terms of address: theoretical issues]. Saratov (in Russ.).

Gorelov, I.N., 2003. The problem of functional basis of speech in ontogenesis. In: *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected papers on psycholinguistics]. Moscow, pp. 15–104 (in Russ.).

Isosävi, J. and Lappalainen, H., 2015. First names in Starbucks: A clash of cultures? In: *Address Practice as Social Action: European Perspectives*. Basingstoke; New York, pp. 97–118, https://doi.org/10.1057/9781137529923_6.

Jefferson, G., 1973. A case of precision timing in ordinary conversation: Overlapped tag-positioned address terms in closing sequences. *Semiotica*, 9 (1), pp. 47–96.

Khrakovsky, V.S. and Volodin, A.P., 2001. *Semantika i tipologiya imperativa: Russkii imperativ* [Semantics and typology of imperative: Russian imperative]. Moscow (in Russ.).

Kleinknecht, F., 2013. Mexican güey – from vocative to discourse marker: a case of grammaticalization? In: *Vocative! Addressing between System and Performance*. Berlin, pp. 235–268, <https://doi.org/10.1515/9783110304176.235>.

Kodzasov, S.V., 2009. Prosody of terms of address. In: *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies of Russian prosody]. Moscow, pp. 161–174 (in Russ.).

Kolyadov, D.M., 2020. Terms of address as discourse markers. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 6, pp. 7–30, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.6.7-30> (in Russ.).

Krongauz, M.A., 2004. Russian speech etiquette at the turn of the century. *Russian Linguistics*, 28 (2), pp. 163–187 (in Russ.).

Lavrinenko, V.N., 2005. *Psikhologiya i etika delovogo obshcheniya: uchebnik dlya vuzov* [Psychology and ethics of business communication: university textbook]. Moscow (in Russ.).

Leech, G., 1999. The distribution and function of vocatives in British English conversation. In: *Out of corpora*. Amsterdam, pp. 107–118.

Leech, G., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford; New York.

Levinson, S.C., 2012. Action ascription and formation. In: *The Handbook of Conversation Analysis*. Oxford, pp. 103–130, <https://doi.org/10.1002/9781118325001.ch6>.

Lyarskaya, E.V., 2002. Sovremennoe sostoyanie sistemy lichnykh imen u yamal'skikh nentsev [Contemporary system of personal names among Yamal Nenets]. In: *Antropologiya. Folkloristika. Lingvistika* [Anthropology. Folkloristics. Linguistics]. Vol. 2. St. Petersburg, pp. 91-130 (in Russ.).

Moray, N., 1959. Attention in dichotic listening: Affective cues and the influence of instruction. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 11, pp. 56–60.

Peshkovsky, A.M., 2001. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific perspective]. Moscow (in Russ.).

Ratmair, R., 2013. *Russkaya rech' i rynek: traditsii i innovatsii v delovom i povesdennom obshchenii* [Russian speech and the market: traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow (in Russ.).

Rendle-Short, J., 2007. 'Catherine, you're wasting your time': Address terms within the Australian political interview. *Journal of Pragmatics*, 39, pp. 1503–1525, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2007.02.006>.

Rendle-Short, J., 2010. 'Mate' as a term of address in ordinary interaction. *Journal of Pragmatics*, 42, pp. 1201–1218, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.09.013>.

Rudneva, E. A., 2018. *Strategii lingvisticheskoi vezhливости v spontannom rechevom vzaimodeistvii* [Strategies of linguistic politeness in spontaneous interaction]. PhD dissertation. St. Petersburg (in Russ.).

Shakhmatov, A. A., 2001. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Shapiro, K. L., Caldwell, J., Sorensen, R. E., 1997. Personal names and the attentional blink: a visual “cocktail party” effect. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 23 (2), pp. 504 – 514.

Sternin, I. A., 1996. *Russkii rechevoi etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh (in Russ.).

Uspensky, B. A., 1995. Change of a name in Russia in historical and semiotic perspective. In: *Izbrannye trudy. T. 2. Yazyk i kul'tura* [Selected papers. Vol. 2. Language and culture]. Moscow, pp. 151 – 163 (in Russ.).

Vom Bruck, G. and Bodenhorn, B., 2006. *The Anthropology of Names and Naming*. Cambridge.

Yanko, T. E., 2010. Terms of address in discourse structure. In: *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh kul'turakh* [Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different cultures]. Moscow, pp. 456 – 468 (in Russ.).

Zanadvorova, A. V., 2003. Sociolinguistic differentiation in linguistic life of small social groups (case of family). In: *Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya sovremennogo russkogo yazyka* [Social and functional differentiation of contemporary Russian]. Moscow, pp. 277 – 340 (in Russ.).

Zelenin, D. K., 1929. *Tabu slov u narodov Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii* [Lexical taboos among peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. Leningrad (in Russ.).

Zhukova, T. S., 2015. *Obrashcheniya v reglamentirovannykh sferakh obshcheniya: stanovlenie novoi normy* [Terms of address in enregistered domains of communication: emergence of a new norm]. PhD dissertation. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Dmitrii M. Kolyadov, Junior Research Fellow, Laboratory of Anthropological Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2860-5517

E-mail: dkoliadov@gmail.com

To cite the article:

Kolyadov, D. M., 2024, First-name address, interpersonal interaction and the public face: the case of the Russian language, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 3, pp. 203 – 218. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-12.

